

А. М. Шантаков, Т. Б. Бадмацыренов, А. Б. Цыденов

ПОСТСЕКУЛЯРНОСТЬ В ЭПОХУ ЦИФРОВИЗАЦИИ: БУДДИЙСКАЯ ТРАДИЦИОННАЯ САНГХА РОССИИ В СОЦИАЛЬНОЙ СЕТИ «ВКОНТАКТЕ»

В условиях цифровизации религиозные организации не только осваивают новые каналы коммуникации, но и переопределяют формы своего публичного присутствия, что делает актуальным анализ религии в контексте постсекулярности. Особенно показателен в этом отношении российский буддизм, сочетающий традиционные религиозные формы с активным включением в современную медиасреду. Цель – проанализировать цифровое присутствие Буддийской традиционной сангхи России в социальных сетях и определить, как в ее онлайн-коммуникации сочетаются религиозные, этнокультурные и общественные функции. В задачи исследования входит определение наиболее востребованных типов публикаций, устойчивых смысловых доминант цифрового дискурса и интерпретация полученных данных в перспективе постсекулярности. В качестве материала исследования были использованы публикации официального сообщества БТСР во «ВКонтакте» за 10-летний период его существования. Анализ основан на сочетании количественного изучения пользовательской вовлеченности и контент-анализа частотности слов, что позволило сопоставить реакции аудитории с внутренней структурой цифрового дискурса сообщества. Установлено, что цифровая коммуникация БТСР не сводится к простому информированию. Наибольший отклик вызывают публикации, находящиеся на пересечении религиозной, культурной и общественной повестки. Частотный анализ показал, что в цифровом дискурсе сообщества доминируют институционально-организационный и сакрально-ритуальные пласты, при этом существенную роль играют персонально-

Шантаков Артем Михайлович – аспирант кафедры политологии и социологии Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования Бурятский государственный университет им. Д. Банзарова; старший специалист по работе в социальных сетях Центра управления регионом Республики Бурятия (г. Улан-Удэ, Россия). E-mail: artemshantakov@mail.ru.

Бадмацыренов Тимур Баторович – доктор социологических наук, заведующий кафедрой политологии и социологии, директор Центра социально-политических исследований «Альтернатива» Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования Бурятский государственный университет им. Д. Банзарова (г. Улан-Удэ, Россия). E-mail: batorovitch@mail.ru.

Цыденов Александр Баторович – научный сотрудник Центра социально-политических исследований «Альтернатива» Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования Бурятский государственный университет им. Д. Банзарова; стажер-исследователь Федерального государственного бюджетного учреждения науки Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (г. Улан-Удэ, Россия). E-mail: tsydenovab@bsu.ru.

авторитетный, этнокультурный и социально-публичный регистры. В качестве вывода отмечается, что цифровое присутствие БТСР представляет собой форму постсекулярной публичной религии, в которой сакральное сохраняет значимость, но действует в более широком этнокультурном, региональном общественном контексте.

Ключевые слова: постсекулярность, цифровизация, буддизм, Буддийская традиционная сангха России, «ВКонтакте», цифровая религия, медиатизация религии, религиозная коммуникация, Бурятия.

A. M. Shantakov, T. B. Badmatsyrenov, A. B. Tsydenov

POST-SECULARITY IN THE AGE OF DIGITALIZATION: THE BUDDHIST TRADITIONAL SANGHA OF RUSSIA ON THE VKONTAKTE SOCIAL NETWORK

In the context of digitalization, religious organizations are not only adopting new channels of communication but also redefining the forms of their public presence, which makes the analysis of religion through the lens of post-secularity particularly relevant. Russian Buddhism is especially illustrative in this regard, as it combines traditional religious forms with active engagement in the contemporary media environment. The aim of the article is to examine the digital presence of the Buddhist Traditional Sangha of Russia in social media and to identify the ways in which religious, ethnocultural, and public functions are combined in its online communication. The objectives of the study include identifying the most engaging types of publications, revealing the stable semantic dominants of its digital discourse, and interpreting the findings from a post-secular perspective. The empirical material consists of publications from the official VKontakte community of the Buddhist Traditional Sangha of Russia over a ten-year period of its existence. The analysis is based on a combination of quantitative assessment of user engagement and content analysis of word frequency, which made it possible to correlate audience reactions with the internal structure of the community's digital discourse. The study demonstrates that the digital communication of the Buddhist Traditional Sangha of Russia cannot be reduced to mere information dissemination. The strongest audience response is generated by posts situated at the intersection of religious, cultural, and public agendas. The frequency analysis shows that the community's digital discourse is dominated by institutional-organizational and sacral-ritual layers, while personal-authoritative, ethnocultural, and socio-public registers also play a significant role. The article concludes that the digital presence of the Buddhist Traditional Sangha of Russia constitutes a form of post-secular public religion in which the sacred retains its significance while operating within a broader ethnocultural, regional, and public context.

Keywords: post-secularity, digitalization, Buddhism, Buddhist Traditional Sangha of Russia, VKontakte, digital religion, mediatization of religion, religious communication, Buryatia.

В конце XX – начале XXI в. в социальных науках усилился пересмотр классической теории секуляризации. Линейная модель, согласно которой модернизация неизбежно ведет к вытеснению религии из общественной жизни, все хуже объясняла реальные процессы. Религия не исчезла из публичной сферы, как это предполагалось

в ряде ранних теорий, а во многих обществах сохранила значимость или заново усилила свое присутствие. В результате исследовательский интерес сместился: вместо вопроса о «конце религии» в центр обсуждения вышел вопрос о том, в каких формах она продолжает существовать в современном обществе и как именно меняется ее положение в условиях модерности.

Одними из первых это обосновали авторы, прежде связывавшие модернизацию с ослаблением религии, вынужденные пересмотреть собственные выводы. Так, П. Бергер признал, что ранние версии секуляризационной теории слишком прямолинейно связывали современность с ростом светскости, тогда как эмпирическая реальность оказалась значительно сложнее [Berger 1999: 2–3]. Подобные пересмотры своих концепций не отменили, конечно, само понятие секуляризации, но лишали его статуса универсального закона исторического развития. Все более очевидным становилось, что секуляризацию корректнее понимать не как неизбежный итог модерности, а как один из возможных процессов дифференциации общественных сфер.

Именно в этом контексте получила распространение концепция постсекулярности. Ее возникновение было связано не с простым тезисом о «возвращении религии», а с необходимостью описать новую социальную ситуацию, в которой религиозные и светские мировоззрения продолжают сосуществовать в одном публичном пространстве. Приставка «пост-» в данном случае обозначает не отмену секулярности как таковой, а утрату уверенности в ее безусловной универсальности и окончательности [Аринин и др. 2022: 115]. Иначе говоря, постсекулярность фиксирует не конец секулярной эпохи, а кризис прежнего представления о том, что религия неизбежно будет вытеснена из общественной жизни.

Такое понимание особенно отчетливо выражено в работах Ю. Хабермаса. Он описывал постсекулярное общество как общество, осознавшее устойчивое присутствие религии в публичной жизни и вынужденное вырабатывать формы сосуществования между светским разумом и религиозным сознанием [2002: 24–26]. В этой логике религия не устраняется из общественного обсуждения, но и не получает привилегированного положения: и религиозные, и светские акторы должны быть готовы к переводу своих аргументов в общезначимый язык публичной дискуссии. Сходную линию развивает М. Розати, подчеркивая необходимость признания равной легитимности религиозных и светских позиций в публичной сфере [2014: 277].

Если рассматривать постсекулярность как характеристику современной публичной сферы, то неизбежно встает вопрос о тех социальных пространствах, в которых сосуществование религиозного и светского становится практически наблюдаемым. В условиях цифровой эпохи таким пространством все в большей степени оказывается интернет. Именно здесь религиозные сообщества не просто получают дополнительный канал коммуникации, а заново выстраивают формы своего публичного присутствия, способы обращения к аудитории и механизмы поддержания общинной связи. Поэтому интерес исследователей закономерно сместился от общего вопроса о «религии в современности» к более конкретному – как религия существует в цифровой среде и что именно меняется в ее публичной жизни под влиянием новых медиа.

Первые попытки осмыслить эти процессы появились еще в 1990-е гг., когда стало очевидно, что сеть создает новые пространства религиозного общения и опыта. Позднее это направление оформилось в самостоятельное поле исследований *digital*

religion, где интернет рассматривается уже не как внешняя техническая среда, а как пространство, внутри которого религиозные практики меняют свои формы, сочетая элементы традиции с современными способами действия [Campbell 2013: 2]. В центре внимания здесь оказываются не только цифровые ритуалы или онлайн-коммуникация как таковая, но и более широкий круг вопросов: трансформация религиозного авторитета, изменение роли общины, новые формы участия и возрастающая активность пользователя, который перестает быть лишь получателем религиозного содержания и все чаще становится его распространителем, интерпретатором и соучастником.

Для описания этих изменений особенно важным стало различие К. Хелланда между *religion online* и *online religion* [Буваева 2020: 88]. Оно позволяет увидеть, что присутствие религии в интернете может принимать разные формы. В одном случае сеть используется как средство передачи уже существующей традиции – через сайты, публикации, трансляции и цифровые архивы. В другом – становится пространством самой религиозной практики, где складываются новые формы участия, общения и ритуального действия. Это различие принципиально, поскольку не позволяет сводить цифровую религию ни к простому продолжению офлайн-жизни, ни к ее полной замене. Ту же мысль развивает и теория медиатизации религии С. Хьярварда, показывающая, что медиа не только передают религиозные смыслы, но и задают правила их публичной циркуляции [Лёвхейм 2020: 81]. Входя в цифровую среду, религиозные организации неизбежно начинают учитывать ее логику: периодичность публикаций, требования к визуальной форме, эмоциональной выразительности и вовлечению аудитории.

Активная медиатизация буддизма особенно видна вхождением в научный оборот таких понятий, как «киберсангха» [Бадмацыренов, Скворцов, Хандаров 2018: 310] и «блогисаттва» [Актамов, Бадмацыренов, Цыремпилов 2015: 126], фиксирующих высокую степень включенности буддийских практик в сетевую коммуникацию. За этими терминами стоит не просто освоение новых технологий, а более глубокое изменение способов религиозного присутствия. Буддийская традиция сохраняет собственное содержательное ядро, но начинает существовать и передаваться через иные формы: цифровое наставничество, медитативные приложения, онлайн-ретриты, платформенные сообщества и т. п. [Ахмедов, Эриашвили, Иванова 2021: 30–31].

Именно в таком ракурсе особенно важен российский контекст. Российский буддизм интересен не только как часть общемирового процесса цифровизации религии, но и как особый случай, где традиция одновременно укоренена в конкретных регионах и включена в более широкое публичное пространство. Здесь буддизм существует сразу в нескольких измерениях: как религия, связанная с историей и культурой Бурятии, Калмыкии и Тувы как форма коллективной идентичности и как участник современной медийной коммуникации. Поэтому для его анализа недостаточно противопоставлять «подлинную традицию» и «цифровую новизну». Гораздо точнее выглядит подход Е. А. Островской, которая рассматривает российский буддизм как адаптивную систему, сочетающую традиционные и инновационные формы религиозной жизни [2018: 188]. Такой взгляд позволяет увидеть в цифровизации не разрыв с традицией, а один из способов ее современного существования.

С этой точки зрения особенно показателен кейс Буддийской традиционной сангхи России. Интерес к нему связан не только с ролью БТСР в возрождении буддизма

в Бурятии, но и с тем, что ее деятельность разворачивается сразу на пересечении нескольких сфер – религиозной, социальной, информационной и культурной [Бадмацыренов, Родионов 2020: 70]. Именно поэтому на ее примере постсекулярность предстает не как отвлеченная теоретическая схема, а как наблюдаемая практика. С одной стороны, сангха сохраняет собственно религиозные функции, а с другой – активно включается в публичную коммуникацию, культурную политику и социальные инициативы. Особенно наглядно это видно в работе ее цифровых площадок, где религиозное содержание существует в постоянном взаимодействии с более широким общественным контекстом.

БТСР использует несколько цифровых площадок: официальный сайт, сообщество во «ВКонтакте» и страницу в «Одноклассниках». Однако для эмпирического анализа в качестве основного массива был выбран именно паблик во «ВКонтакте». Такой выбор оправдан несколькими обстоятельствами: во-первых, «ВКонтакте» на сегодняшний день все еще остается наиболее популярной цифровой площадкой в российском сегменте интернета. Во-вторых, эта площадка дает доступ к длительному и относительно непрерывному архиву публикаций. В-третьих, именно по ней доступны количественные показатели, позволяющие сопоставить тематическую структуру контента и реакции аудитории. Страница в «Одноклассниках» [Официальное сообщество...] в данном случае не может выступать основным источником, поскольку активность там фактически прекращена с июня 2022 г. По схожей причине в качестве источника не выступает и Telegram-канал сангхи [Официальный Telegram-канал...], он был создан лишь в феврале 2022 г. Таким образом, именно сообщество во «ВКонтакте» позволяет проследить развитие цифрового присутствия сангхи в динамике и сделать выводы не по отдельным эпизодам, а по большому корпусу публикаций.

В ходе исследования мы хотим установить, каким образом БТСР адаптирует свое присутствие в цифровой среде и какие элементы ее онлайн-коммуникации указывают на сочетание религиозных, культурных и общественных функций. Для решения этой задачи использованы два взаимодополняющих инструмента. Сначала с помощью сервиса Popsters проведен количественный анализ активности аудитории. Затем на материале того же корпуса публикаций с использованием MAXQDA был выполнен контент-анализ частотности слов, позволяющий выявить устойчивые смысловые доминанты сообщества. Такой двухуровневый анализ важен методологически: одни данные показывают, как аудитория реагирует на контент, другие – какой именно образ организации и какие тематические акценты систематически воспроизводятся в ее цифровой коммуникации.

Согласно собранным данным, первая публикация в сообществе БТСР во «ВКонтакте» датируется 21 апреля 2015 г. За период наблюдения в паблике было размещено 4272 публикации. Совокупный объем просмотров составил 12584909, а суммарное число реакций – 405740. В логике данного исследования показатель вовлеченности рассчитывался как отношение социального индекса к числу просмотров по формуле $ER = (SI/Views) \times 100 \%$; его значение составило 3,2 %. Сам по себе этот показатель еще не позволяет делать содержательные выводы о характере религиозности аудитории, однако он показывает, что сообщество функционирует не как формальный архив сообщений, а как действительно работающая площадка с устойчивым вниманием пользователей к публикуемому материалу.

Интересен тот факт, что наиболее популярными публикациями по числу просмотров и реакций оказался пост о мировом рекорде, установленном жителем Бурятии на фестивале «Алтан Мундарга» [Жалсып Манзаров...: эл. ресурс]. Его популярность во многом связана с тем, что это, во-первых, событийный материал с ясным и легко считываемым инфоповодом: рекорд как медиасобытие сам по себе обладает высокой притягательностью. Во-вторых, данная публикация выражает региональную и этнокультурную солидарность: новость воспринимается не только как частное достижение, но и как успех «своего» культурного пространства. В-третьих, сам факт появления такого поста в официальном паблике БТСР показывает, что Традиционная сангха и в цифровой среде выступает не только как религиозный институт, но и как медиатор региональной культуры [Амоголонова 2023: 63].

Второй по популярности публикацией стала цитата Пандито хамбо-ламы Дамбы Аюшеева: «Помните! На Родине твои поступки – это лицо твоей семьи. А за пределами – лицо твоего народа» [«Помните!»: эл. ресурс]. Высокий отклик на этот пост связан как с самой формой высказывания, так и со статусом его автора. Краткие нравственно маркированные формулировки обладают повышенным потенциалом распространения в социальных сетях [Brady et al. 2017: 2–3]. В данном случае этот эффект усиливается авторитетом хамбо-ламы как религиозного лидера. Мы видим проявление того фактора, как цифровая среда создает новые возможности для религиозного авторитета через его символическое присутствие и более прямой контакт с аудиторией [Hjarvard 2016: 7–8]. Поэтому интерес к таким публикациям можно объяснить не только содержанием самой цитаты, но и значимостью фигуры духовного лидера, чье слово продолжает выполнять в цифровой среде функцию нравственной и символической ориентации.

Высокая вовлеченность также видна и на примере видеоматериала о праздновании Зула хурала [Зула Хурал: эл. ресурс]. Он показывает, что для аудитории значим не только факт религиозного события, но и связь данной публикации с офлайн-деятельностью БТСР. Так, например, Х. Кэмпбелл отмечала, что религиозный интернет-контент значим постольку, поскольку он не изолирован от общинной жизни, а поддерживает эту общинную жизнь [Campbell 2012: 17–18]. В этом отношении данный пример особенно показателен: он дает пользователю не только информацию о празднике, но и визуально-аффективный доступ к ритуалу, а также сообщает и о возможности посещения данного молебна на следующий день.

Наиболее интересным кейсом же является публикация видео священнослужителя о «необычном голубе» [В дацане...: эл. ресурс], которое на первый взгляд выглядит менее очевидным лидером вовлеченности, но именно оно особенно хорошо показывает специфику религиозной коммуникации в социальных медиа. Подобные сюжеты располагаются на границе повседневного и сакрального: пользователь сталкивается с событием, которое может быть воспринято и как нечто обыденное, и как наделенное особым смыслом. В этом отношении показателен вывод Р. Цурии о том, что в цифровой культуре сакральное и профанное все чаще оказываются взаимопроницаемыми, поскольку сами цифровые медиа позволяют сакрализировать элементы повседневности [2021: 8–10]. Поэтому интерес к такому ролику можно объяснить тем фактом, что он переводит такое повседневное явление, как присутствие птицы где-либо, в рамку религиозно насыщенной интерпретации.

На данных наиболее популярных постах мы видим, что паблик БТСР в цифровой среде функционирует не просто как канал религиозного информирования, а как пространство, в котором религиозное, культурное, этническое и общественно значимое сосуществуют и взаимно усиливают друг друга. Иначе говоря, цифровая коммуникация Сангхи показывает не вытеснение религии из публичной сферы и не ее «возвращение» в старом виде, а ее новую форму присутствия в медиально организованном общественном пространстве.

Анализ популярных публикаций выявил, что наибольший отклик аудитории получают определенные форматы и сюжеты в рамках платформенной коммуникации. Это важно для понимания механизмов вовлечения, однако не позволяет в полной мере судить о том, как сама БТСР выстраивает свое цифровое присутствие на уровне устойчивых смысловых акцентов. Для перехода от изучения заметных публикаций к анализу внутренней структуры цифрового дискурса сообщества проведен контент-анализ частотности слов в публикациях паблика за период с 21 апреля 2015 г. по 30 октября 2025 г., включая слова с частотой употребления более 500 упоминаний.

Таблица

Наиболее упоминаемые слова в публикациях сообщества
«Буддийская традиционная сангха России»

Слово	Частота использования
1	2
ламы	12139
дацан	11823
хамбо	5658
Будда	4955
России	4805
Бурятия	3292
пандито	2860
жизнь	2560
учение	2506
сангха	2258
хурал	2255
аймагай	1964
Дамба	1957
һургуули	1787
бурятский	1729
буддизм	1710
буддийский	1638
традиционный	1509

Окончание табл.

республика	1491
Даши	1360
Шакьямуни	1283
молебн	1230
иволгинский	1198
тара	1093
буддистов	1070
дуйнхор	1059
мандалы	1022
университет	979
ширээтэ	966
буряад	857
мудрость	852
этигэлов	796
ритуал	783
Аюшеев	757
чойнхорлин	755
Заяева	709
дугана	699
калачакры	698
подношения	679
обряд	666
национальной	588
посвященный	581
учителя	576
гоман	572
цогчен	564
божеств	563
хотын	542
хэлэн	525
мир	520
турнир	516
праздник	507
баялиг	501

Выявленная частотность слов в публикациях сообщества БТСР позволяет увидеть не просто набор наиболее употребительных единиц, а устойчивую структуру цифрового дискурса, в которой последовательно сочетаются несколько основных смысловых групп: институционально-организационного, сакрального, персонально-авторитетного, этнокультурного и социально-публичного характера.

Наиболее крупным в данном массиве употребляемых слов оказывается институционально-организационный регистр. К нему относятся слова «ламы», «дацан», «буддийский», «традиционный», «сангха», «России», «хамбо», «пандито», «иволгинский», «ширээтэ», «чойнхорлин», «дугана», «гоман», «цогчен», «буддистов». В совокупности они составляют более половины всех употребляемых слов (51,09 %). Концентрация именно этой лексики показывает, что цифровая коммуникация БТСР строится прежде всего вокруг организационной формы организации и ее брендовых составляющих данной религиозной организации, что в целом является характерной особенностью самопрезентации для российского традиционного буддизма [Островская, Бадмацыренов 2024: 222].

Второй по значимости пласт образует сакральная и ритуальная лексика. Сюда входят слова «будда», «учение», «хурал», «буддизм», «шакьямуни», «молебен», «тара», «дуйнхор», «мандалы», «мудрость», «ритуал», «калачакры», «подношения», «обряд», «посвященный», «божеств», «мир» – примерно четверть употребляемых слов (23,65 %). Это свидетельствует о том, что цифровой дискурс БТСР не ограничивается исключительно брендовой саморепрезентацией. Сообщество, как мы видим, систематически возвращается к учению, ритуальной практике и обрядовой жизни. Принципиально важно, что сакральное здесь не растворяется в медиальной повестке. Если бы цифровая коммуникация сангхи была выстроена преимущественно на новостной, административной или общественной лексике, можно было бы говорить о частичном вытеснении религиозного содержания логикой платформы. Однако составленный нами частотный словарь показывает обратное: сакральное сохраняет высокую концентрацию и остается одним из основных принципов организации сообщества.

К смежным в данном случае областям можно отнести также имена отдельных персоналий, включающий слова «Дамба», «Аюшеев», «Даши», «Итигэлов», «Заяева». Их доля количественно меньше, чем у институционального или сакрального пласта, однако аналитически этот слой крайне важен. Он показывает, что цифровая коммуникация БТСР опирается не только на безличную организационную структуру и не только на универсальные символы буддийской традиции, но и на фигуры религиозных авторитетов, примечательно, что эти пять представленных слов связаны с тремя наиболее известными Хамбо-ламами, действующим на текущий момент Дамбой Аюшеевым, а также Даши-Доржо Итигэловым и Дамба-Доржо Заяевым, что подтверждает, что цифровая среда способна не просто транслировать уже существующий религиозный авторитет, но и заново его харизматизировать, превращая историческую сакральную фигуру в центр сетевой коммуникации и символической легитимации [Бадмацыренов, Скворцов, Хандаров 2018: 307–308].

Отдельный крупный слой лексики составляют слова этнокультурной и регионально-бурятской направленности: суммарная частота упоминаний таких слов, как

«республика», «Бурятия», «бурятский», «национальной», а также часто повторяемых слов на бурятском языке: «аймагай», «һургуули», «буряад», «хотын», «хэлэн», «бая-лиг» составляет 13,98 %. Именно эта группа особенно ясно показывает, что цифровой дискурс БТСР не сводится к конфессиональной коммуникации в узком смысле. Таким образом, в сети проявляется в т. ч. ряд сознательных действий Традиционной сангхи по развитию бурятского языка [Амоголонова 2023: 64], а также процесс становления буддизма как первичного маркера этнической идентичности бурят [Амоголонова 2014: 1168–1169].

Наконец, последнюю группу образует социально-публичный и просветительский регистр, дающий 5,41 % всех словоупотреблений. В него входят слова «жизнь» (2,70 %), «университет» (1,03 %), «учителя» (0,61 %), «турнир» (0,54 %) и «праздник» (0,53 %). Этот слой количественно уступает остальным, но показывает, что БТСР в цифровой среде говорит не только языком ритуала и себя как института, но и языком образования, общественных мероприятий, повседневной жизни и культурных событий и все активнее включается в широкую медиасферу как заметный общественный актор [Островская, Бадмацыренов 2024: 223].

Именно такая конфигурация делает сообщество показательным примером современной публичной религии, где сакральное, организационное, этнокультурное и социальное не смешиваются хаотично, а складываются в устойчивую структуру цифрового присутствия.

Через призму постсекулярности этот материал позволяет сделать вывод о том, что цифровое присутствие БТСР нельзя описать ни как простое продолжение внутренней религиозной жизни, ни как растворение религии в медийной и культурной повестке. Напротив, частотный словарь показывает устойчивое сосуществование нескольких регистров – институционального, сакрально-доктринального, персонально-авторитетного, этнокультурного и социально-публичного. Это означает, что в социальных медиа сангха действует одновременно как религиозный институт, как носитель сакральной традиции, как посредник бурятской этнокультурной идентичности и как участник более широкого общественного пространства. Именно такая многослойность и соответствует постсекулярной ситуации, в которой религия не вытесняется в частную сферу, а сохраняет публичную значимость, вступая в сложные отношения с культурными, региональными и медиальными формами современности.

Иными словами, постсекулярность в случае с БТСР проявляется не в «возвращении религии» как таковом, а в изменении режима ее публичного присутствия. Сакральное содержание здесь не исчезает под давлением платформенной логики: оно продолжает организовывать коммуникацию, но делает это в пространстве, где религиозное постоянно пересекается с языком этнокультурной солидарности, коллективной памяти, образования и общественной жизни. Поэтому паблик БТСР можно рассматривать как форму постсекулярной публичной религии: он показывает, что в цифровую эпоху религиозная традиция сохраняет свою идентичность не через изоляцию от современного мира, а через активное и структурированное участие в нем.

Исследование выполнено за счет гранта РФФ (проект «Традиционный буддизм, пост-секулярность и общественно-политические процессы в России и Монголии») № 24-48-03022.

Литература

Актамов И. Г. Российский буддизм в интернет-измерении / И. Г. Актамов, Т. Б. Бадмацыренов, Н. В. Цыремпилов // *Власть*. – 2015. – № 7. – С. 125–130.

Амоголонова Д. Д. Буддийская традиционная сангха России в экономических и социокультурных практиках современной Бурятии / Д. Д. Амоголонова // *Вестник Бурятского научного центра СО РАН*. – 2023. – № 2(50). – С. 57–66.

Аринин Е. И. Оправдалась ли концепция постсекулярного? К 15-летию стамбульского доклада Ю. Хабермаса «Против воинствующего атеизма» / С. Н. Астапов, К. М. Антонов, К. С. Гипп и др. // *Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета*. Сер. I: Богословие. Философия. Религиоведение. – 2023. – Вып. 108. – С. 115–152.

Ахмедов Р. М. Цифровые «симуляции» священного и буддийские практики: особенности соотношений / Р. М. Ахмедов, Н. Д. Эриашвили, Ю. А. Иванова // *Образование. Наука. Научные кадры*. – 2021. – № 2. – С. 28–32.

Бадмацыренов Т. Б. Буддийские цифровые практики трансцендентности: VK-сообщество «Хамбо Лама Даши-Доржо Итигэлов» / Т. Б. Бадмацыренов, М. В. Скворцов, Ф. В. Хандаров // *Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены*. – 2018. – № 2. – С. 301–324.

Бадмацыренов Т. Б. Буддийское возрождение и конструирование буддийского сообщества в современной Бурятии / Т. Б. Бадмацыренов, В. Родионов // *Государство, религия, церковь в России и за рубежом*. – 2020. – № 1(38). – С. 62–85.

Буваева Г. А. Интернет-пространство религии и «цифровизация буддизма» / Г. А. Буваева // *Вестник Калмыцкого университета*. – 2020. – № 2(46). – С. 86–91.

В дацане «Балдан Брэйбун» заметили необычного голубя. – Режим доступа: https://vk.com/wall-92531215_15098 (дата обращения: 21.04.2026).

Жалсып Манзаров установил мировой рекорд по разбиванию хребтовой кости «сээр хухалха» на фестивале Алтан Мундарга – 2023 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://vk.com/wall-92531215_13853 (дата обращения: 21.04.2026).

Зула Хурал [Электронный ресурс]: – Режим доступа: https://vk.com/wall-92531215_11501 (дата обращения: 21.04.2026).

Лёвхейм М. Медиатизация религии: критическая оценка / М. Лёвхейм // *Государство, религия, церковь в России и за рубежом*. – 2020. – Т. 38. – № 2. – С. 76–97.

Островская Е. А. Социология религии: введение / Е. А. Островская. – СПб.: Петербургское востоковедение, 2018. – 320 с.

Островская Е. А. Российский традиционный буддизм в публичных медиасферах / Е. А. Островская, Т. Б. Бадмацыренов // *Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены*. – 2024. – № 6(184). – С. 204–225.

Официальное сообщество Буддийской традиционной сангхи России в социальной сети «Одноклассники». 12.05.2022 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ok.ru/group/46115645096023> (дата обращения: 21.04.2026).

Официальный Telegram-канал Буддийской традиционной сангхи России. 27.02.2022 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://t.me/datsansangha/3> (дата обращения: 21.04.2026).

«Помните!» Пандито Хамбо Лама Дамба Аюшеев. – Режим доступа: https://vk.com/wall-92531215_14003 (дата обращения: 21.04.2026).

Розати М. Постсекулярные современности: социологическое прочтение / М. Розати // Государство, религия, церкви в России и за рубежом. – 2014. – № 1(32). – С. 272–293.

Хабермас Ю. Будущее человеческой природы / Ю. Хабермас; пер. с нем. – М.: Весь Мир, 2002. – 143 с.

Amogolonova D. D. Buddhist Revival in the Context of Desecularization Processes in Russia (on Materials of Buryatia) / D. D. Amogolonova // Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences. – 2014. – Vol. 7. – No. 7. – P. 1165–1176.

Berger P. L. The Desecularization of the World: A Global Overview / P. L. Berger // The Desecularization of the World: Resurgent Religion and World Politics / ed. by P. L. Berger. – Washington, DC; Grand Rapids, MI: Ethics and Public Policy Center; Wm. B. Eerdmans Publishing Company, 1999. – P. 1–18.

Brady W. J. Emotion Shapes the Diffusion of Moralized Content in Social Networks / W. J. Brady, J. A. Wills, J. T. Jost, J. A. Tucker, J. J. Van Bavel // Proceedings of the National Academy of Sciences of the United States of America. – 2017. – Vol. 114. – No. 28. – P. 7313–7318.

Campbell H. A. Understanding the Relationship between Religion Online and Offline in a Networked Society / H. A. Campbell // Journal of the American Academy of Religion. – 2012. – Vol. 80. – No. 1. – P. 64–93.

Campbell H. A. Introduction: The Rise of the Study of Digital Religion / H. A. Campbell // Digital Religion: Understanding Religious Practice in New Media Worlds / ed. by H. A. Campbell. – New York; London: Routledge, 2013. – P. 1–21.

Hjarvard S. Mediatization and the Changing Authority of Religion / S. Hjarvard // Media, Culture & Society. – 2016. – Vol. 38. – No. 1. – P. 8–17.

Tsuria R. Digital Media: When God Becomes Everybody – The Blurring of Sacred and Profane / R. Tsuria // Religions. – 2021. – Vol. 12. – No. 2. – Article 110.

References

Aktamov I. G. Rossijskij buddizm v internet-izmerenii / I. G. Aktamov, T. B. Badmacyrenov, N. V. Cyrempilov // Vlast'. – 2015. – № 7. – S. 125–130.

Amogolonova D. D. Buddijskaya tradicionnaya sangha Rossii v ekonomicheskikh i soci-okul'turnykh praktikah sovremennoj Buryatii / D. D. Amogolonova // Vestnik Buryatskogo nauchnogo centra SO RAN. – 2023. – № 2(50). – S. 57–66.

Arinin E. I. Opravdalas' li koncepciya postsekulyarnogo? K 15-letiyu stambul'skogo doklada Yu. Habermasa «Protiv voinstvuyushchego ateizma» / S. N. Astapov, K. M. Antonov, K. S. Gipp i dr. // Vestnik Pravoslavnogo Svyato Tihonovskogo humanitarnogo universiteta. Ser. I: Bogoslovie. Filosofiya. Religiovedenie. – 2023. – Vyp. 108. – S. 115–152.

Ahmedov R. M. Cifrovye «simulyacii» svyashchennogo i buddijskie praktiki: osobennosti sootnoshenij / R. M. Ahmedov, N. D. Eriashvili, Yu. A. Ivanova // Obrazovanie. Nauka. Nauchnye kadry. – 2021. – № 2. – S. 28–32.

Badmacyrenov T. B. Buddijskie cifrovye praktiki transcendentnosti: VK-soobshchestvo «Hambo Lama Dashi-Dorzho Itigelov» / T. B. Badmacyrenov, M. V. Skvorcov, F. V. Handarov // Monitoring obshchestvennogo mneniya: Ekonomicheskie i social'nye peremeny. – 2018. – № 2. – S. 301–324.

Badmacyrenov T. B. Buddijskoe vrozozhdenie i konstruirovaniye buddijskogo soobshchestva v sovremennoj Buryatii / T. B. Badmacyrenov, V. Rodionov // Gosudarstvo, religiya, cerkov' v Rossii i za rubezhom. – 2020. – № 1(38). – S. 62–85.

Buvaeva G. A. Internet-prostranstvo religii i «cifrovizaciya buddizma» / G. A. Buvaeva // Vestnik Kalmyckogo universiteta. – 2020. – № 2(46). – S. 86–91.

V dacane «Baldan Brejbun» zametili neobychnogo golubya. – Rezhim dostupa: https://vk.com/wall-92531215_15098 (data obrashcheniya: 21.04.2026).

Zhalsyp Manzarov ustanovil mirovoj rekord po razbivaniyu hrebtovoj kosti «seer huhalha» na festivale Altan Mundarga – 2023 [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: https://vk.com/wall-92531215_13853 (data obrashcheniya: 21.04.2026).

Zula Hural [Elektronnyj resurs]: – Rezhim dostupa: https://vk.com/wall-92531215_11501 (data obrashcheniya: 21.04.2026).

Lyovhejm M. Mediatizaciya religii: kriticheskaya ocenka / M. Lyovhejm // Gosudarstvo, religiya, cerkov' v Rossii i za rubezhom. – 2020. – T. 38. – № 2. – S. 76–97.

Ostrovskaya E. A. Sociologiya religii: vvedenie / E. A. Ostrovskaya. – SPb.: Peterburgskoe vostokovedenie, 2018. – 320 s.

Ostrovskaya E. A. Rossijskij tradicionnyj buddizm v publichnyh mediasferah / E. A. Ostrovskaya, T. B. Badmacyrenov // Monitoring obshchestvennogo mneniya: Ekonomicheskie i social'nye peremeny. – 2024. – № 6(184). – S. 204–225.

Oficial'noe soobshchestvo Buddijskoj tradicionnoj sanghi Rossii v social'noj seti «Odnoklassniki». 12.05.2022 [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <https://ok.ru/group/46115645096023> (data obrashcheniya: 21.04.2026).

Oficial'nyj Telegram-kanal Buddijskoj tradicionnoj sanghi Rossii. 27.02.2022 [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <https://t.me/datsansangha/3> (data obrashcheniya: 21.04.2026).

«Pomnite!» Pandito Hambo Lama Damba Ayusheev. – Rezhim dostupa: https://vk.com/wall-92531215_14003 (data obrashcheniya: 21.04.2026).

Rozati M. Postsekulyarnye sovremennosti: sociologicheskoe prochtenie / M. Rozati // Gosudarstvo, religiya, cerkvi v Rossii i za rubezhom. – 2014. – № 1(32). – S. 272–293.

Habermas Yu. Budushchee chelovecheskoj prirody / Yu. Habermas; per. s nem. – M.: Ves' Mir, 2002. – 143 s.

Amogolonova D. D. Buddhist Revival in the Context of Desecularization Processes in Russia (on Materials of Buryatia) / D. D. Amogolonova // Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences. – 2014. – Vol. 7. – No. 7. – P. 1165–1176.

Berger P. L. The Desecularization of the World: A Global Overview / P. L. Berger // The Desecularization of the World: Resurgent Religion and World Politics / ed. by P. L. Berger. – Washington, DC; Grand Rapids, MI: Ethics and Public Policy Center; Wm. B. Eerdmans Publishing Company, 1999. – P. 1–18.

Brady W. J. Emotion Shapes the Diffusion of Moralized Content in Social Networks / W. J. Brady, J. A. Wills, J. T. Jost, J. A. Tucker, J. J. Van Bavel // Proceedings of the National Academy of Sciences of the United States of America. – 2017. – Vol. 114. – No. 28. – P. 7313–7318.

Campbell H. A. Understanding the Relationship between Religion Online and Offline in a Networked Society / H. A. Campbell // Journal of the American Academy of Religion. – 2012. – Vol. 80. – No. 1. – P. 64–93.

Campbell H. A. Introduction: The Rise of the Study of Digital Religion / H. A. Campbell // Digital Religion: Understanding Religious Practice in New Media Worlds / ed. by H. A. Campbell. – New York; London: Routledge, 2013. – P. 1–21.

Hjarvard S. Mediatization and the Changing Authority of Religion / S. Hjarvard // Media, Culture & Society. – 2016. – Vol. 38. – No. 1. – P. 8–17.

Tsuria R. Digital Media: When God Becomes Everybody – The Blurring of Sacred and Profane / R. Tsuria // Religions. – 2021. – Vol. 12. – No. 2. – Article 110.